

УДК 81'373.2

КОННОТАТИВНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ СЕКУЛЯРНОГО И САКРАЛЬНОГО В РУССКИХ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ИМЕНОВАНИЯХ СВЯЩЕННИКОВ

О. И. Логачева

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье показано, что «секулярное» и «сакральное» – коннотативные семантические окраски именовании священников, которые фиксируют, во-первых, разнонаправленные аспекты русской языковой личности (религиозно-мистический и обыденный, «мирской»), во-вторых, основывающиеся на этих аспектах коннотативные значения лексем, связанные с их принадлежностью нецерковной, «мирской» – и церковно-религиозной сферам общения. Совмещение в пределах одной лексемы секулярного и сакрального аспектов коннотативной семантики квалифицируется как коннотативная энантиосемия.

Ключевые слова: антропонимика, полисемия, коннотативная энантиосемия, секулярное, сакральное, именовании священников.

Секулярное и сакральное – два различных аспекта человеческого существования: секулярный аспект связан с душевной «горизонталью» бытия, с миром людей, с устремленностью «вширь», сакральный – с «вертикалью», с представлением о небесных иерархиях, с возможным для человека обожением как восхождением от земного к надмирному, трансцендентному. Русские именовании служителей церкви *священник* и *поп*, *отец* и *батюшка*, в семантической основе которых лежат секулярные феномены, связанные с биологическим родством, во вторичных значениях, связанных с представлением о духовном родстве и духовном водительстве, развивают специфические коннотативные сакральные смыслы, что ведет к возникновению в пределах одной лексемы не только референциально-денотативных, но и коннотативных оппозиций; эти последние носят специфический энантиосемичный характер коннотативной внутрисловной антонимии, которая наслаивается на семантико-стилистическую полисемию.

Существительное *иерей* – официальное именование средней (второй) степени священства в церковной иерархии (в ряду *диакон* – *иерей* – *епископ*) – в русском речевом обиходе практически не используется. Бытуют две пары общеупотребительных синонимичных ему именовании, противопоставленных друг другу по эмоционально-стилистическим и коммуникативным параметрам: с одной стороны, в монологической речи – *поп* и *священник* (местоименный эквивалент – *он*), с другой стороны, в качестве непосредственного именовании собеседника в диалоге, в функции обращения прихожанина к своему иерею – *батюшка* и *отец* (местоименные эквиваленты – *ты/вы*) Именовании *поп* и *священник* фиксируют в первую очередь место иерея в церковной иерархии и одновременно его специфическую благодатную связь с Богом, именовании *батюшка* и *отец* – пастырскую роль иерея по отношению к его прихожанам. Все эти именовании в рамках церковно-религиозного

дискурса несут сакральные смыслы, которые условно можно обобщить в обиходной характеристике «священнослужитель, силой благодати способствующий общению мирян с Богом».

Судьбы этих двух пар лексем в церковно-религиозной составляющей концептосферы русского языка на протяжении XIX–XXI вв. существенно различаются. В теоцентрической лингвокультурологии принято, что эволюционные процессы в сфере религионимов трактуются на основе понятий «десакрализация» / «ресакрализация», которые понимаются как «утрата / возвращение сакральных религиозных смыслов и коннотаций» [3, с. 272]. Возвращение к исходному коннотативно-сакральному прочтению именовании священников требует особого мужества признания, что именно религиозность – основополагающая черта русского национального характера [6].

Если *поп* и *священник* подвергались в общенародном (не специально церковном) словоупотреблении сначала в революционно-демократический, затем в советский периоды воинствующего атеизма деструктивной десакрализации, а ныне постепенно ресакрализуются, то *батюшка* и *отец* – лексемы, в своих специфических значениях бытующие исключительно в церковном обиходе, – по своим функциям практически не изменились.

В современном церковно-религиозном дискурсе *батюшка* в ситуации обращения к священнику квалифицируется как «обиходное», что связано с определенным отождествлением биологического и духовного родителя. Коннотация близкородственной, кровной теплоты, связанная как с корневым сущ. *батя*, так и с ласк. суф. *-юшк(а)*, сохраняется во вторичном значении – в обращении к священнику. Диякон А. Кураев разъясняет: «...нет кощунства в именовании священника "батюшкой" и "отцом". Человек должен понимать, что единственный источник его жизни – в Боге. И именно в этом смысле православие понимает слова Христа "И отцом себе не называйте никого на земле: ибо один у вас Отец, который на небесах" (Мф. 23, 9) <...> Никого нельзя понудить обращаться к тому или иному человеку со словом "отец"... Но и нельзя запретить проявления любви, нельзя запретить брата называть братом и духовного отца – батюшкой...» [8, с. 67–68].

Отец в исходном значении – секулярная, стилистически нейтральная лексема, реализующая значение «мужчина по отношению к своим детям», *батюшка* – его традиционно-народный синоним, воспринимающийся ныне за пределами церковного дискурса как устаревший, ср. словарные данные: *батя* – «родитель, отец... *батюшка*... || отец духовный, поп», почтительное обращение к «всякому стороннему человеку», в том числе и священнослужителю [7]; «*Батюшка*... 1. Отец (с оттенком почтительности; устар.). <...> 2. Священник (с оттенком вежливости, у верующих)» [13]. В церковной среде обращение *батюшка* строго регламентировано: так с уважением и почтением обращаются к священнослужителям их духовные чада или прихожане в неформальной обстановке [1].

Отец в сакрализованном церковно-религиозном дискурсе – это прежде всего *Бог Отец*, первая ипостась Святой Троицы, далее – «духовный пастырь». Значение «Бог Отец» – терминологизированное, ассоциируется, во-первых, с теологией как наукой, во-вторых, с богословием как «Законом Божиим», как общедоступным изложением теологического знания; значение «пастырь» связано с повседневной внутрицерковной жизнью. Лексема *батюшка* синонимизируется с *отец* лишь в этом втором церковно-религиозном значении, выступает как его разговорный эквивалент.

Исходное секулярное и вторичное сакральное значения лексем *отец* и *батюшка* связаны представлением о «водительстве»: в случае *отец*₁ – это «водительство по жизни в целом», в случае *отец*₂ – «водительство духовное, по пути спасения». Сакральный компонент семантики именованных священников обуславливается их специфической «посреднической» церковной ролью между прихожанами и Господом, наиболее наглядной в таинствах *Церкви* (с заглавной буквы, как «мистического соединения всех верующих в Богом (Церковь как «Тело Христово»)» [12, с. 406], секулярный компонент – с их принадлежностью церкви как социальному институту (то есть *церкви* – с маленькой буквы).

Эта полисемия: *Церковь* как «Тело Христово» и *церковь* как социальный институт – в условиях десакрализации утрачивается, в общенародном языковом сознании и в повседневном словоупотреблении актуализованным оказывается лишь второе из этих значений – «социальный институт», что ярко проявляется в коннотативной энантиосемии существительного *поп*.

Коннотативную энантиосемию лексемы *поп* можно назвать «мерцающей»: она то актуализуется, то нейтрализуется в разные периоды истории в разных типах дискурса, в речи отдельных социальных групп и даже отдельных лиц в разных ситуациях общения в зависимости от соотношения в ней сакрального и секулярного компонентов.

Семантико-стилистическая история существительного *поп* хорошо отражает изменения в отношении русских людей к духовенству. До развития атеистического движения и распространения атеистически-нигилистических настроений в России существительное *поп* не имело отрицательной коннотативной окраски; восходящее, как и именование верховного главы католической церкви *papa*, к др.-гр. *pappas* ‘папа, батюшка’, оно было общепринятым именованием священника, ср.: «Епископов, и попов, и игуменов (чтите), с любовью принимайте от них благословление, и не отстраняйтесь от них...» [11, с. 50]; у В. И. Даля: «**ПОП** м. а стар. иногда **попин**, священник, иерей, пресвитер; человек поставленный, посвященный, помазанный, рукоположенный в духовный чин или сан пастыря душ. *Черный поп*, стар. иеромонах. *Поп, папа*, конечно, общего корня, отец; поминается у нас впервые в Песнословии Пророков, 1047 г.» [7]. Без каких-либо негативных коннотаций *поп* используется в богослужебных книгах (как синоним сущ. *священник, иерей, пресвитер*), в художественной литературе вплоть до рубежа XIX–XX вв.

Однако отношение к священству в России до 1917 года зависело не только от основной духовно-пастырской роли «батюшек», но и от государственного статуса священнослужителей («попов»), который «определялся отнюдь не профессиональной значимостью и не личными достоинствами проповедника, а самой природой церковно-государственного альянса» [9, с. 43]. Духовенство в глазах атеистически и нигилистически, «революционно-демократически» настроенной интеллигенции ассоциировалось с институциональной государственной властью, которая якобы нацелена исключительно на «угнетение». Священнослужители нередко оказывались не в сфере живого церковного богообщения, но в мертвом пространстве социального непонимания между, с одной стороны, властью (церковной и светской), с другой стороны, «обществом» и прихожанами. С одной стороны, *поп* – это именно «пастырь душ», его назначение – «пасти», то есть давать пищу (слово Божие), идти впереди, указывая духовный путь, хранить единство людей, защищать их от врага и подавать пример; с другой стороны, *поп* страдает различными нравственными недугами (брать, заботясь только о личном обогащении, обманывать, покрывать грехи и т. д.).

В послереволюционной России после появления Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви государственная и церковная власть перестали отождествляться, однако коммунистическая идеология, претендующая на абсолютную духовную власть над гражданами, настойчиво требовала создания негативного образа священнослужителей. Существительному *поп* настойчиво навязывалась окраска «презрительное», что нашло отражение и в словарях того времени. Так, М. Фасмер в своем словаре 1950-х гг. фиксирует, что *поп* «в настоящее время имеет презрительный оттенок значения» [15, с. 326], аналогично в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: «**Поп**... 1. Священник (разг., в старину – официальное название). <...> Вообще – служитель культа всякого ранга (разг. пренебр.) || только мн., собир. Духовенство (разг. пренебр.)» [14, с. 584].

Подведём итоги. Существенные изменения коннотативного, особенно энантиосемического ореола выступают как лингвокультурный сигнал «фазовых переходов» в различных фасетах концептосферы русского языка (например, в сфере представлений о политических или экономических феноменах: [4; 5]). В советский период отечественной истории, по словам Н.А. Бердяева, «идеологи коммунизма <...> низвергли религию, философию, мораль, отрицали дух и духовную жизнь» [2, с. 26]. За именованями священнослужителей закреплялась неодобрительная, уничижительная окраска. В современных условиях духовного возрождения России, постепенного возвращения православных россиян к Церкви происходит возвращение к исходной коннотативной двойственности: фамильярно-иронической в *попе* и почтительно-уважительной в *батюшке*. Возвращается понимание, что священник, хотя «может быть и слаб, и немощен, и иметь множество недостатков, но через него действует Христос» [10, с. 152], который для верующего и строгий *отец*, и любящий *батюшка*.

Список литературы

1. Балашов В., свящ. Жизнь в церкви. Священник: старший среди равных или наемный посредник? [Электронный ресурс] // Киевская Русь. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/1743>. (Дата обращения: 22.04.2017.)
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Волков В. В. Коннотативная энантиосемия религионимов и семантически смежных лексем как лингвокультурный сигнал «фазового перехода» в пространстве религиозного сознания // Ономастика Поволжья: Материалы XIV Международной научной конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2014. С. 272–276.
4. Волков В. В. Лингвокультурные сигналы «фазовых переходов» в системе обыденных представлений о политических феноменах // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3 (19). С. 48–64.
5. Волков В. В. Экономические концепты, ментальность россиян и катастрофа приватизации // Жанр. Стил. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвузовский сборник статей. Киров: Изд-во ВятГУ, 2014. С. 230–239.
6. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] // Руниверс. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3178/>. (Дата обращения: 13.12.2017.)

8. Кураев А., диакон. Почему священника зовут «батюшкой» // Все ли равно, как верить? / Сб. ст. по сравн. богословию. М.: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1994. 176 с.
9. Леонтьева Т. Жил-был поп... // Родина. 1999. №11. С.43–45.
10. Мень А. Никео-Цареградский Символ веры: Беседы для готовящихся к крещению. Беседа пятая // Мень А. Радостная весть: Лекции. Вып. 1. М.: Вита-Центр, 1992. 320 с.
11. Поучение Владимира Мономаха // Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. А. Н. Ужанков. М.: Русский язык, 1991. С. 46–51.
12. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. 447 с.
13. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой [Электронный ресурс] // MirKnig.Su. URL: http://mirknig.su/knigi/guman_nauki/63775-slovar-russkogo-yazyka-v-4-tomah-tt1-4-2-e-izd-e.html. (Дата обращения: 13.09.2017.)
14. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. 1424 стб.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 М.: Прогресс, 1987. 832 с.

CONNOTATIVE ENANTIOSEMIA OF THE SECULAR AND THE SACRAL IN RUSSIAN GENERAL AND COMMON NAMING OF PRIESTS

O. I. Logacheva

Tver State University

Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article shows that “secular” and “sacral” are connotative semantic variables of priest naming, which fix, first, the multidirectional aspects of the Russian linguistic personality (religious-mystical and everyday, “secular”), and secondly, based on these aspects, the connotative meanings of lexemes, connected with their non-clerical, “secular” – and clerical-religious spheres of communication. The combination within the same lexeme of secular and sacral aspects of connotative semantics is defined the connotative enantiosemia.

Keywords: *anthroponomy, polysemy, connotative enantiosemia, secular, sacral, naming of priests.*

Об авторе:

ЛОГАЧЕВА Оксана Ивановна – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: oks.logacheva@mail.ru.

About the author:

LOGACHEVA Oksana Ivanovna – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelabov str. 33), e-mail: oks.logacheva@mail.ru.